

Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования

Окончание. Начало в №2(4) за 2010 год.

С. Н. Ениколопов, А. А. Мкртчян

На данный момент существуют рекомендации освещать теракт максимально оперативно и не искажать при этом факты. Речь не идет о подробном освещении, но о том, что не стоит пренебрегать или намеренно искажать результаты и последствия преступления. Дефицит информации и уличение во лжи СМИ и правительства заставляет обывателей с недоверием относиться к получаемой информации и обращаться к другим источникам — слухам и мифам, которые, как правило, лишь усугубляют негативные последствия террористического акта, порождая отрицательное отношение к государству, в том числе — дефицит доверия. Иногда, пуская в эфир непроверенную или лишнюю информацию, СМИ оказывают давление на власть, призывая и вынуждая к поспешным и неэффективным действиям. А непосредственное интервьюирование террористов может приводить к их восхвалению и популяризации через подмену понятий и превратное толкование ситуации и фактов [23].

В настоящее время единственным способом контроля демократических СМИ (парадокс, но именно открытость и гласность СМИ — наиболее эффективное оружие в руках террори-

стов в медиавойне) являются различного рода своды и уставы этических требований к представителям СМИ. Например, свод этических требований, предъявляемых к канадским журналистам при освещении террористических актов, таков:

- представитель СМИ ответственен за последствия своего репортажа;
- СМИ не имеют права подвергать опасности жизни заложников;
- все репортажи в обязательном порядке должны регламентироваться и рецензироваться компетентными лицами;
- СМИ не должны восхвалять или оправдывать любые акты террора;
- обязаны воздержаться от сенсационного характера освещения и широкого оглашения информации, которая способна вызвать панику, в частности, следует избегать демонстрации шокирующих и кровавых сцен;
- любой акт терроризма должен трактоваться однозначно осуждающе;
- никаких денежных отношений с террористами: плата за интервью и т. д.;
- не стоит брать на себя обязанности и функции посредника, журналист освещает события, но не участвует в них;

Ениколопов Сергей Николаевич
Руководитель Отдела
медицинской психологии
Научного центра психического здоровья
Российской академии медицинских наук
(НЦПЗ РАМН),
зав. кафедрой криминальной
психологии факультета юридической
психологии Московского городского
психолого-педагогического университета.

Мкртчян Арег Артаваздович
научный сотрудник
Центра социологии образования
Российской академии образования.

- следует воздержаться от умозаключений и рассуждений о террористах, действиях властей, от передачи информации от заложников в эфир;
- никакого прямого эфира в течение террористического акта с участием заложников;
- рекомендуется не брать интервью у террористов до окончания операции;
- рекомендуется выражать сочувствие жертвам и их семьям;
- следует избегать детализированного показа преступления и жертв;
- запрещается использовать журналистскую аккредитацию или удостоверение для попыток проникновения в запретные зоны [10].

Приблизительно такой же свод правил — антитеррористическая конвенция — был принят и в России.

В данном случае речь идет о регламентировании поведения самих журналистов, нежели материала, который они транслируют. Но очевидно, что последствия террористических актов можно редуцировать не только через прямые запретительные меры, ограничивающие поведение журналиста или объем информации, но и с помощью моделирования характеристик самого предъявления, содержательной стороны и стиля комментариев, образа коммуникатора [25].

От того, каким образом будет транслироваться, предъявляться информация о террористическом акте, зависит и степень восприятия риска данного происшествия обывателем, а также субъективная оценка вероятности повторения подобных преступлений в ближайшем будущем. Под субъективным восприятием риска понимается степень угрозы террористического акта для конкретного человека, то, что американские психологи формулируют как «личная угроза» в противовес «угрозе национальной». Яркая отрицательная эмоциональная нагрузка чрезвычайных происшествий и катастроф, в частности, террористических актов, способствует тому, что обыватель переоценивает для себя риск и угрозу, связанные с данным событием. Характер риска, его субъективная значимость и степень взаимосвязаны с психологическими последствиями террористического акта и во многом определяют дальнейшие поведенческие и эмоциональные реак-

ции человека: страх, подозрительность, повышенная агрессивность по отношению к незнакомым людям, беспокойство, чувство беспомощности, вины, идентификация с жертвой, ограничительное поведение [16]. В связи с этим психологи Б. Фишхоф, Б. Дюроти, С. Уэсли, Р. Коэн, С. Фелдман и другие специалисты в области коммуникаций с гражданским населением в кризисных ситуациях («*Risk communication*», далее — RC) сформулировали предположение о возможности контролировать или предвидеть степень риска и угрозы, а значит, и дальнейшие реакции аудитории. Ими предлагается следующая рекомендация к составителям информационных программ: не стоит злоупотреблять фактами и «сухими» цифрами в процессе трансляции с места событий, так как ошибочным будет рассчитывать на уравновешенность и спокойствие аудитории в подобной ситуации [10, 11, 12]. Специалисты RC указывают следующие факторы, способствующие переоценке субъективного риска:

- новизна произошедшего (отсутствие у обывателя опоры и соотнесения с прошлым опытом);
- отсутствие четкого и ясного понимания ситуации;
- неизбежный, принудительный характер события;
- масштабность и наличие «человеческого фактора» в основе произошедшего;
- персонифицированность (наличие конкретных идентифицированных жертв, имен, историй жизни, изображений и т. д.);
- восприятие происшествия как реальной угрозы для себя, а не для соседа, города, нации... (поездка в таких же автобусах, походы в аналогичные заведения и т. д.).

Контроль данных факторов во время трансляции потенциально способствует редуцированию отрицательных последствий террористического акта. Соответственно, и рекомендации относительно характера трансляции и самого коммуникатора таковы:

- не стоит углубляться в рассуждения по поводу перспектив данного происшествия и его последствий;
- первостепенная задача любой трансляции — не рейтинги и сенсация, а стремление облегчить участь заложников и жертв;

- при дефиците и неопределенности информации следует настаивать на том, что это следствие не некомпетентности, а неповторимости и неизвестности природы и характера преступления, что приводит к отсутствию шаблонов как в ответных мерах, так и в рекомендациях населению;
- следует избегать частой смены экспертов. Это способствует созданию у аудитории впечатления их некомпетентности и несерьезности (возможно наличие экспертов из разных областей, но в рамках одной области их менять не стоит);
- коммуникатор обязан трезво оценить собственное эмоциональное состояние перед выходом в эфир — излишняя напряженность, эмоциональность или пафосность лишь усугубят сложившуюся ситуацию и психологические последствия среди аудитории.

Предлагается ряд вопросов, на которые обыватель обязательно должен получить ответы в течение короткого репортажа [23]:

- что случилось?
- в безопасности ли я и мои родные?
- какие меры предпринимаются для моей защиты и кем?
- срок устранения последствий?

С другой стороны, рекомендуется в первых, срочных репортажах избегать информации о количестве жертв, вероятности повторения террористического акта, рассуждений о причинах и подозреваемых [12].

Понимание механизмов образования и функционирования субъективного восприятия риска необходимо при развитии и формировании коммуникационных стратегий, в том числе — при составлении информационных сообщений в СМИ о террористических актах и прочих чрезвычайных ситуациях. М. Хэлдринг и другие специалисты рассматривают несколько факторов, влияющих на формирование субъективного восприятия риска у обывателей. В первую очередь они говорят о доверии. Доверие — самый важный фактор. Особенно речь идет о доверии к государству и коммуникаторам в ситуации дефицита объективной информации и отсутствия релевантных знаний о происшествии в прошлом опыте обывателей [15, 18]. Одной из причин недоверия населения к коммуникаторам и экспертам,

по мнению П. Словик, является стремление последних оперировать лишь фактами и сухими цифрами, игнорируя тем самым эмоциональный фон сообщения и настрой аудитории, а также демонстрируя пренебрежение к возможному восприятию риска обывателями [26].

На снижение доверия к правительству также может влиять и демонстрация неудач и просчетов властных структур при проведении спасательных, контртеррористических или военных операций. С другой стороны, как отмечают американские психологи, в данном случае наблюдается некоторое противоречие, особенно в отношении силовых и разведывательных акций, где при положительном результате невозможно и нежелательно полностью освещать как успех, так и детали операций, так как это может отрицательно повлиять на дальнейшую работу силовых министерств и агентств. А с другой стороны — любая неудачная акция государственных структур тут же становится достоянием СМИ, а значит — растиражированной на все общество. И подобные неудачи намного прочнее и дольше запечатлеваются в памяти обывателя (в силу их скандальности и повторяемости), нежели менее заметные и известные успехи в процессе профилактики и борьбы с терроризмом. Отрицательная информация такого рода носит кумулятивный характер. И с каждым новым «провалом» способствует усилению степени недоверия граждан к своему государству [17, 18]. В качестве отрицательного примера неэффективной коммуникации с населением по причине скупой и закрытой информации М. Хэлдринг говорит о системе цветового кода оповещения населения, которая применяется Агентством Национальной безопасности (АНБ) США. В данном случае под каждым определенным цветом зашифрована информация о степени опасности чрезвычайного происшествия, о степени вероятности силового ответа, боеготовности вооруженных сил и т. д. Безусловно, в профессиональной среде подобный код эффективен и полезен в силу своей лаконичности, но применение его в процессе коммуникации с населением без разъяснений — бесполезно и неэффективно, потому что вместо адекватной и нужной информации, разъясненной

несложными терминами, обыватель получает скудные и пугающие своей секретностью сигналы на основе цветового кода [15].

Д. Барнетт и Г. Брювэлл предполагают, что прошлые сообщения о чрезвычайных ситуациях вполне могут влиять на восприятие подобных сообщений в будущем, а значит, и на ответные реакции населения. Серия прошлых оповещений об опасности может способствовать тому, что последующая информация будет восприниматься более уравновешенно и объективно, что положительно скажется на эффективности ответных действий. Подобный механизм авторы объясняют шаблонами, которые формируются на основе прошлых удачных (в плане эффективности и редуцирования отрицательных последствий) сообщений в СМИ.

Речь идет о шаблонах поведения в схожих чрезвычайных ситуациях, которые поддаются настройке и коррекции в актуальной ситуации угрозы и опасности. Д. Барнетт и Г. Брювэлл считают, что подобный шаблон включает в себя не только информацию о возможных ответных действиях, но и о самой опасности, возможных жертвах и последствиях. Он является и своего рода прогнозом, который строится обывателем не столько на основе получаемой в настоящий момент информации, сколько на информации из прошлых сообщений о схожих чрезвычайных ситуациях. Таким образом, как настаивают американские психологи и специалисты в области RC, для понимания и прогнозирования реакции населения на будущие чрезвычайные происшествия необходимо прояснить, какой именно шаблон был сформирован в результате предыдущих сообщений. Отсюда и возникает необходимость тщательного формирования передаваемых сообщений о чрезвычайных происшествиях, в том числе и о террористических актах [8].

Таким образом, субъективное восприятие риска у человека основывается больше на интуиции и эмоциях, нежели на фактах и хладнокровном анализе. Недостаточно фактически обеспечить безопасность страны и населения, важно еще и убедить людей в этой безопасности, помочь им ее почувствовать. Изучение субъективного восприятия риска — задача практически значимая и необходимая. Понимание того, какие факторы способству-

ют той или иной степени восприятия риска, — необходимое условие для успешного прогнозирования реакции и поведения людей в чрезвычайной ситуации, в том числе и при террористическом акте. Специалисты RC отмечают, что субъективное восприятие риска стимулирует, определяет общественные и политические приоритеты. Гипотетический риск вероятнее очевидной и актуальной опасности приведет к тому, что люди начнут настойчиво требовать от правительства каких-либо определенных действий в отношении чрезвычайного происшествия. При этом чем выше субъективное восприятие риска, тем вероятнее безоговорочная поддержка властей со стороны населения.

Специалисты в области RC предлагают некоторые условия потенциально «успешного» (в плане минимизации негативных последствий) освещения теракта на ТВ:

- четко продуманный образ ведущего (журналиста или «компетентного лица»). Внешний вид, узнаваемость и степень доверия аудитории, авторитетность. Выступающий должен убедить аудиторию в своей компетенции, честности и достоверности сказанного;
- признание серьезности события и его последствий;
- четкое понимание целевой аудитории;
- эмоциональность сообщения (в разумных рамках). Это создаст у людей ощущение сострадания и понимания;
- апеллирование к госструктурам, к их компетентности;
- выражение направленности на сплочение и максимально возможное устранение последствий;
- избегание негативных прогнозов;
- информирование о текущих мероприятиях, связанных с защитой населения и предотвращением будущих терактов;
- ссылки на экспертов, но не в политической, а в научной области: психологов, медиков, террологов (специалистов в области терроризма), социологов, криминалистов и т. д.;
- если отсутствует возможность предъявления объективной проверенной информации, то не стоит додумывать ее. Необходимо аргументировано объяснить дефицит информации;

- сообщения о ЧП, риске и здоровье несовместим с юмором, даже в целях снижения напряжения и тревожности;
- информированность о возможных слухах и мифах.

Но информация, приведенная выше, носит рекомендательный характер и не основывается на данных психологических или социологических исследований [10, 12, 23]. В то же время, опытным путем израильскими психологами Г. Кеймэн, Э. Сади и С. Розен были выявлены предпочтения обывателей относительно объема и оперативности транслируемой информации, а также получены данные о влиянии телерепортажа с места совершения террористического акта на формирование у наблюдателей ПТСР [19].

Опрос, проведенный израильским Институтом общественного мнения, привел к следующим результатам. 50% опрошенных респондентов заявили, что информация о террористическом акте должна быть полностью доступной и оперативной. 47% ответили, что СМИ должны освещать террористический акт коротко и не сразу после его совершения. А 3% респондентов ответили, что их вообще мало волнует характер освещения террористических актов в СМИ. Далее, было проведено повторное исследование. Основной целью являлось выявление отношения людей к характеру освещения террористических актов в СМИ. Исследование проводилось практически сразу после очередной серии террористических актов. Психологи хотели, чтобы воспоминания о произошедших террористических актах в памяти людей были отчетливыми и яркими. Также ученые хотели выявить наличие влияния подробного освещения террористических актов на формирование у аудитории ПТСР и зависимость предпочтений и вероятности формирования ПТСР от пола. Исследователи сформулировали несколько гипотез.

1. Люди предпочитают детальную оперативную информацию о произошедшем террористическом акте сжатой и отсроченной во времени. Данная гипотеза основывалась на точке зрения, согласно которой в чрезвычайных ситуациях люди испытывают потребность в наиболее полной информации о произошедшем, так как это поможет держать под контролем свои страхи и адекватно реагировать.

2. Подробное освещение в СМИ террористического акта окажет неблагоприятное воздействие на людей, так как они начнут идентифицировать себя с пострадавшими, что может привести к формированию у них ПТСР.

3. Существует зависимость характера освещения событий от пола. Женщины предпочтут более сжатое и отсроченное освещение, нежели мужчины. Основанием подобной гипотезы стали проведенные ранее исследования, выводом которых стало наличие у женщин более высокого уровня беспокойства. В исследовании принимали участие 534 человека в возрасте от 16 до 91 года, живущие по всей стране. 72% из них являлись коренными жителями Израиля, а 28% – эмигранты. В исследовании не принимали участие арабы, проживающие на территории Израиля.

Исследователи получили следующие результаты.

Первая гипотеза получила подтверждение:

- 23% опрошенных выступили за экстренные выпуски новостей,
- 55.3% – за подробное освещение террористического акта в рамках запланированного выпуска новостей,
- 21.2% – за короткие сообщения, повторяемые каждые несколько часов, и лишь 0.6% – за отсутствие в новостях любых упоминаний о террористическом акте,
- 58.4% опрошенных объяснили свое желание узнавать о террористическом акте сразу и подробно тем, что у них есть конституционное право знать, что происходит в стране, без всякой цензуры.

Подтвердилась и вторая гипотеза о наличии у людей, следящих за освещением событий в СМИ, признаков ПТСР:

- 43.1% опрошенных заявили о том, что еще долго проигрывают в памяти увиденное или услышанное,
- 7.5% – страдали кошмарами,
- 10.9% жаловались на неспособность сконцентрироваться и эффективно работать,
- 26.3% – стали раздражительными и агрессивными,
- 31.4% опрошенных заявили, что их любые повседневные мысли сводятся к мыслям о произошедшем террористическом акте,
- 23.4% – испытывали беспокойство.

Результаты по третьей гипотезе.

- Женщины отвечали, что в СМИ последствия террористических актов освещаются слишком широко и часто. В отличие от мужчин, женщины предпочитали получать информацию о последствиях по радио, а не по телевизору.
- Признаки ПТСР у женщин наблюдались чаще:
 - флэшбэки (проигрывание в памяти увиденного или услышанного) у женщин – 51%, у мужчин – 34%;
 - переход любых повседневных мыслей на воспоминания о террористическом акте – 40% и 22%, соответственно;
 - проблемы с концентрацией – 30% и 12%, соответственно [19].

Подобного рода результаты свидетельствуют о том, что, несмотря на достаточно негативное влияние освещения в СМИ произошедших террористических актов, люди предпочитают, чтобы характер освещения был максимально открытым, откровенным и оперативным. Правда, израильские психологи делают уточнение и говорят о том, что результаты, полученные ими, возможно репрезентативны лишь для Израиля, так как это небольшая страна, которая намного чаще других становится объектом террористических акций. Люди привыкли к этому, и их «желание знать» во многом носит прагматичный, а не аффективный характер. Подобное исследование, проведенное в более «спокойных» западных странах, вероятно, даст другие результаты.

Также к уже выявленным характеристикам репортажа относится декларируемый статус жертвы. Данный фактор также влияет на динамику психологических последствий, в частности, на формирование отношения к террористам со стороны обывателей. Характеристики жертвы могут повлиять не только на оценку террористического акта, но и на статус этой акции. Результаты исследования, которое провели психологи К. Саймонс и Р. Митч, показали, что акт насилия, направленный против политического лидера, который не пользуется особой популярностью, скорее всего, вообще не будет воспринят обществом как акт терроризма. Террорист будет восприниматься как «борец за свободу», следовательно, и акция не будет носить ярлык «террористическая». С другой

стороны, акции против популярных общественных деятелей или простых граждан оцениваются совсем по-другому. Из 407 опрошенных во время исследования 90% определили подобные акции как «терроризм», а 55% из них настаивали на том, что единственным наказанием террористам должна быть смертная казнь [25].

Заключение

Изучение влияния СМИ на динамику отрицательных психологических последствий — задача не праздная, а практически значимая. Можно выделить, как минимум, две важные функции СМИ в процессе сообщения населению об угрозах или фактах терроризма. Первая — информирование о предполагаемом риске. В данном случае основная задача заключается в инструктаже населения, редуцировании тревоги и повышении степени адаптивности и стрессоустойчивости. Вторая — работа с населением после террористического акта, контроль эмоционального состояния посредством грамотно представленной информации о произошедшем. Реакция населения на террористический акт отражает степень урона, наносимого терроризмом обществу. Чтобы свести этот вред к минимуму, необходимо научиться максимально эффективно (в плане устранения отрицательных последствий) информировать общество о совершенных террористических актах или угрозе терроризма в целом.

Также следует отметить, что для эффективного противодействия столь опасному и серьезному явлению современности, как терроризм, совершенно недостаточно обладать знаниями только о дифференциации терроризма, его целях и т. д. Необходимо рассматривать данный вид преступлений и с точки зрения его психологических и социальных последствий для человека и общества. Между тем, простая констатация и перечисление подобных последствий — не панацея в процессе противодействия как самому терроризму, так и распространению его негативного психолого-социального влияния. Как было показано в данной статье, чрезвычайно важным и актуальным является вопрос о взаимосвязи СМИ и негативных последствий терроризма, а также роли СМИ в процессе их контроля и редуцирования. Следует добавить, что объектом изучения должны стать и небольшие рефе-

рентные группы (чаще — молодежные, неформальные) — носители не столь радикальных антитеррористических взглядов, как у большинства в обществе. Они, в силу своей немногочисленности, как правило, игнорируются социологами и психологами. При этом именно эти группы представляют наибольший интерес для террористов, которые рассматривают их в качестве среды для поиска новых кадров, а также как почву для распространения протеррористических взглядов и позиций. Данные аспекты исследований в области психологии терроризма и экстремизма представляются нам чрезвычайно перспективными и актуальными на данный момент.

Список литературы:

1. Ениколопов С.Н., Лебедев С.В., Бобосов Е.А. Влияние экстремального события на косвенных участников // Психологический журнал. — 2004. — Т. 25. — №6. — С. 73–81.
2. Тарабрина Н.В., Агарков В.А., Быховец Ю.В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. — Ч. 1. Теория и методы. — М.: Когито-центр, 2007.
3. Arndt J., Goldenberg J.L. The worm at the core: A terror management perspective on the roots of psychological dysfunction // Department of psychological science. Applied and Preventive Psychology. — 2005. — 11. — P. 191–213.
4. Bandura A., Zimbardo P., Osofsky M. The role of moral disengagement in the execution process // Law and Human Behavior. — 2005. — Vol. 29. — №4.
5. Bandura A. The role of selective moral disengagement in terrorism and counterterrorism // In Moghaddam F.M., Marsella A.J. Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions. — Washington DS: American Psychological Association Press, 2004. — P. 121–150.
6. Bandura A. Social cognitive theory of mass communication // Media effects: advances and research. Hillsdale. — N.J.: Lawrence Erlbaum, — Chap. 6. — P. 121–153.
7. Bandura A. Moral disengagement in perpetration of inhumanities // Personality and Social Psychology Review. — 1999. — P. 193–210.
8. Barnett J., Breakwell G.M. The social amplification of risk and the hazard sequence: The October 1995 oral contraceptive pill scare // Health, Risk, and Society 5. — 2003. — №3. — P. 301–314.
9. Bruno S., Dominik R. Blood and Ink! The common-interest-game between terrorists and the media // Institute for Empirical Research in Economics University of Zurich. — 2006. — №285, April.
10. Cohen R. Mediacoverage of Acts of terrorism: Troubling episodes and suggested guideline. — University of Haifa, 2005, August 19.
11. Durodie B., Wesseley S. Resilience or panic: the public response to a terrorist attack // Lancet. — 2002.
12. Fischhoff B. Assessing and communicating the risk of terrorism // In: Teich A., Nelson D., Lita S. (Eds.). Science and technology in vulnerable world. — Washington: American Association for the Advancement of Science, 2002.
13. Gillis J.W. Coping after terrorism // The handbook for US Department of Justice. — 2001. — September.
14. Goldenberg J.L. Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S. In the wake of 9/11: The psychology of terror.
15. Heldring M. Talking to the public about terrorism: Promoting health and resilience // Families, Systems, & Health. — 2004. — №22. — P. 67–71.
16. Huddy L., Feldman S. The consequences of terrorism: Disentangling the effects of personal and national threat // Political Psychology.
17. Jenkin C.M., Cohn E.S. Attitudes toward terrorism: Scale development and implications // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology (under review).
18. Jenkin C.M. Risk perception and terrorism: Applying the psychometric paradigm // Homeland Security Affairs., — 2006. — Vol. II. — №2. — July.
19. Keinan G., Sadeh A., Rosen S. Attitudes and reactions to media coverage of terrorist acts // Journal of Community Psychology. — 2002. — Vol. 31. — №2.
20. McCauley C. Psychological issues in understanding terrorism and the response to terrorism. — University of Pennsylvania, 2001.
21. McCormick G.H. Terrorist decision making. — Monterey: Naval Postgraduate School, Department of Defense Analysis, 2003.
22. Pangi R. After the attack: The psychological consequences of terrorism. — [Электронный ресурс.] — Режим доступа: www.esdp.org.
23. Risk communication during a terrorist attack. — US Department of Health and Human Services, 2005, September. — [Электронный ресурс.] — Режим доступа: <http://www.HHS.gov>.
24. Ryan A.M., West B. Effects of the terrorism attacks of 9.11.01 on employee attitudes // Journal of Applied Psychology. — 2003. — №4.
25. Simons C., Mitch R.. Labeling public aggression: When is it terrorism? // The Journal of Social Psychology. — 2001. — №125(2).
26. Slovic P. Perceptions of risk: Reflections on the psychometric paradigm // In Krinsky S., Golding D. (Eds.). Social theories of risk. — Westport, CT: Praeger, 1992.
27. Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T. Pride and prejudice: Fear of Death and social behavior // Current directions in psychological science. — American Psychological Society. — 2000. — Vol. 9. — №6.
28. Terry L., Bradley M. Understanding and preparing for the psychological consequences of terrorism // Emergency Management: Public Health and Medical preparedness. — Section 8. — Chap. 44. — P. 689–701.
29. The impact of terrorism on brain and behavior // American College of Neuropsychopharmacology. — 2004. — 21 April.